

A black and white portrait of a man with a beard and glasses, looking down. The background shows a window with a view of trees.

ЮРИЙ ГРЫМОВ

МУЖСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ

ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Table-Talk

Юрий Грымов

Мужские откровения

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Грымов Ю. В.

Мужские откровения / Ю. В. Грымов — «Издательство АСТ»,
2024 — (Table-Talk)

ISBN 978-5-17-162273-2

Юрий Грымов - известный режиссер театра и кино, художественный руководитель театра «Модерн», заслуженный артист Российской Федерации, Почетный деятель искусств города Москвы, обладатель более 70 профессиональных наград (Грымов - лауреат премий во всех областях творческой деятельности, которыми он занимался) - это формально точное, хоть и скупое описание можно прочесть в Интернете. Гораздо сложнее найти там информацию о том, что Юрий Грымов - фотограф, автор, наблюдатель, человек, обладающий нестандартным взглядом на вещи и явления, на людей и события, на спектакли и кино. Его богатая биография включает в себя не только многочисленные путешествия, в том числе и одно кругосветное, но и встречи с интересными, талантливыми, знаменитыми людьми: Людмилой Улицкой, Алексеем Петренко, Алексеем Баталовым. При этом он не только, как режиссер, видит то, что недоступно обычному человеку, он может про это написать. Написать легко, ярко, с юмором. В эту книгу вошли самые интересные тексты Юрия Грымова - воспоминания, отзывы, рецензии, рассуждения на актуальные темы - а также его фотоработы.

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-162273-2

© Грымов Ю. В., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Предисловие	7
Вполоборота	8
Последний синяк моего детства	8
Мой первый выход в космос	10
Как я стал Че Геварой	13
Про борщ, женские прокладки и загадочную русскую душу	15
Помятый кубок	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юрий Грымов

Мужские откровения

© Юрий Грымов, текст
© Юрий Грымов, фотографии
© ООО «Издательство АСТ»

Предисловие

В этом сборнике небольших эссе, рассказов, рецензий и заметок я старался не притворяться и быть честным. Они могут показаться вам смешными, скучными, обидными, интересными, претенциозными – какими угодно. Я не знаю и не пытаюсь предугадать, какие чувства вызовет у вас это чтение. Хочу одного: чтобы эти чувства были искренними.

На этих страницах много личного. Цели доказать свою правоту и тем более кого-то обидеть нет. Есть цель – честно поговорить.

Я благодарен людям, которые меня окружают и без которых эта книга не появилась бы. Это моя супруга Ольга, мои коллеги по театру «Модерн», это мой друг и соавтор, замечательный редактор Михаил Моисеев. И, конечно, это те люди, о которых я пишу, – мои друзья, учителя, оставившие в моей жизни большой след.

Ваш Юрий Грымов

Вполоборота

Последний синяк моего детства

Рассуждать о детстве могут только взрослые. Дети в нем просто живут. Не рассуждая и не задумываясь о том, что это такое. Потому что, как только ты начинаешь задумываться о своем детстве, это значит, что оно для тебя закончилось. И весь фокус в том, что понять, что такое детство, можно только уже в зрелом возрасте.

Мы все вспоминаем свое детство пунктиром – как вспышки самых ярких впечатлений и переживаний. У кого-то этот пунктир частый и подробный, у кого-то – отрывочный, редкий и непостоянный. От чего это зависит, я не знаю. Может быть, от тех взрослых, которые нас окружали в детстве, а может быть, от нас самих. В моих воспоминаниях о детстве осталось огромное количество солнца, проникающего в квартиру, и каждодневная «Радионяня» по радио. А еще я прекрасно помню, как мое детство закончилось.

У меня был игрушечный руль – такая палка, у которой с одного конца вращалась почти настоящая автомобильная «баранка», а с другой была присоска, с помощью которой вся эта конструкция крепилась к полу. Так вот, в какой-то момент я, недолго думая, прилепил эту присоску к себе на лоб. Предварительно основательно посплюнявив – как и положено в таких случаях. Я очень старался, да и присоска была качественная; в общем, руль приклеился намертво. Он торчал у меня из лба, как рог единорога.

Снять не получилось. Ни у меня, ни у бабушки. Она испугалась. Пришли с работы родители, посмотрели на меня в фас и в профиль и поняли, что так просто удалить эту красоту не получится. Все, что смог сделать отец, – он оторвал руль от палки. Я остался с красным деревянным «рогом» во лбу. Было решено ехать в больницу. Машины у нас не было – надо было ехать на метро. Но как? Родители прикрыли хитрую конструкцию пледом, однако, спасибо бабушке, она выступила решительно против этой драпировки, и было вызвано такси.

Я очень любил ездить на такси и был почти счастлив. Почти – потому что во время поездки выяснилось, что по понятной причине смотреть по сторонам у меня не получится: я в буквальном смысле упирался рогом в детали салона автомобиля. И потому в дороге я смотрел строго вперед, слушая тиканье счетчика и периодически ловя в зеркале заднего вида смеющийся взгляд таксиста.

Еще долго после того, как нас с рулем разъединили в больнице, у меня во весь лоб был гигантский синяк. Как напоминание о том, что детство прошло. А когда мы вернулись домой, нас ждала моя тетя, приехавшая в гости. Она всегда обнимала меня каким-то странным способом: крепко-крепко сжимала, причем так, что моя голова оказывалась у нее под мышкой. Так происходило всегда, каждый раз, когда она появлялась у нас в доме. Я до сих пор не могу воспроизвести этот удивительный способ объятий. Зато прекрасно помню смешанный запах пота и каких-то неприятных духов. Потом я узнал, что это была «Красная Москва»; тогда этот запах мне страшно не нравился. Может быть, потому что тетя всегда общалась со мной как с маленьким.

Вообще, меня в детстве всегда раздражало, что взрослые, которые со мной заговаривали, переходили на птичий язык и начинали сюсюкать. Потом я понял, что многие взрослые считают, что если дети говорят на своем особенном, не совсем правильном языке, умилительно коверкая слова, – то они и думают так же. И, соответственно, детям якобы легче что-то объяснить, если начать имитировать этот детский язык. Полная ерунда. Хотя бы потому, что всякая имитация – это вранье и фальшь, а дети прекрасно чувствуют любую неправду. И зачем, спрашивается? Я не понимал этого в детстве: почему взрослые друг с другом разговаривают

на нормальном и понятном языке, а когда наклоняются ко мне – вдруг начинают говорить так, что мне становится за них неудобно.

Наверное, поэтому я в детстве очень не любил кукольные мультфильмы. Не знаю, есть ли тут связь, но сейчас я думаю, что, возможно, я воспринимал кукольную мультипликацию как еще одну попытку взрослых сюсюкать с детьми. Во всяком случае, у меня в детстве было твердое убеждение, что создатели кукольных мультфильмов – это преступники. Потому что они делали нечто противозаконное и противоестественное. Я не задумывался над тем, какого наказания заслуживают эти люди за свое преступление, но в том, что они его заслуживают, я был уверен.

Еще о том же. Когда моя бабушка рассказывала о своей маме, моей прабабушке, как та имела обыкновение в какие-то особые дни печь блины, носить их в московские тюрьмы и угощать ими заключенных, она рассказывала это мне как нормальному взрослому человеку. Да и трудно вообще представить себе рассказ на такую тему в формате «сюси-пуси». И, может быть, поэтому я прекрасно помню тот разговор. Я спросил тогда бабушку: получается, прабабушка кормила уголовников? Она строго посмотрела на меня, погрозила сухоньким пальцем и поправила: «Политических».

Кстати, когда ты уже стал взрослый и научился «отматывать назад» свои воспоминания о детстве, это здорово помогает, когда появляются собственные дети. Ты прекрасно понимаешь, что когда твой ребенок живет в мире детства, то для него авторитет родителей – это величина не постоянная, не абсолютная и не вечная. Авторитетом в какой-то момент может стать любой прыщавый парнишка – сосед по двору, который, по мнению твоего чада, знает о жизни больше, чем ты.

И все наши разговоры о том, что «я лучше знаю», – они смешны. Почему? Да потому что это мы умеем «отматывать назад», а дети – нет. И иногда я им завидую. Не потому, что они живут без воспоминаний. А потому что они просто живут – сейчас, в каждое новое мгновение жизни, свободные от мыслей о прошлом или тревоги о будущем.

Не знаю, можно ли соединить эту детскую способность жить сегодняшним днем с жизненным опытом взрослого человека. Говорят, кому-то это удавалось. Но попросить этих людей поделиться своим опытом трудно. Этим людям обычно принято молиться. Или просить их молитв о нас – тех, кто возвращается в свое детство только в воспоминаниях.

Мой первый выход в космос

В моем позднем детстве не было «казаков-разбойников», я не играл д'Артаньяна в школьных спектаклях, и под нашим балконом никто не кричал: «Юра-а-а! Выходи!..» Я рос скромным мальчиком, мне была интересна живопись, я много ходил по музеям, художественным галереям, всматривался в картины, пытаюсь представить, что думали и чувствовали их авторы. Не могу сказать, что я был равнодушен к тому, что меня не брали с собой в «разведку» ребята во дворе. Конечно, меня это угнетало. Вниманием девочек я тоже был обделен. Но что делать бедному домашнему мальчику, у которого мало того что нет в активе ни одного «подвига», достойного внимания прекрасной половины, так еще и гормональная перестройка протекает во всей красе, и каждое утро, идя умываться, он с ужасом ждет, в каком еще неподходящем месте вылезет очередной прыщ? В общем, лет до четырнадцати жизнь была ко мне немилосердна и жестока – как, впрочем, к любому подростку.

А потом – я уже и не вспомню, как это получилось – кто-то спросил меня: мол, Юр, а ты бывал в «Чародейке» на Калининском? Что такое была «Чародейка» в 80-е годы – об этом можно писать книги. Слов «модное место» тогда еще не знали, советский человек относился к парикмахерским исключительно как к предприятиям сферы быта, но, конечно, эта парикмахерская была особенным местом. Стричься здесь было дорого. Зайти сюда вот так, запросто, было невозможно: слишком непривычно ощущал себя здесь рядовой гражданин. Я долго думал и решился: иду! Накопил деньги, приехал. Минут десять бродил взад-вперед перед входом. Прекрасное стеклянное здание в самом начале Калининского (да, именно прекрасное! с чем мы могли тогда сравнивать образцы советской архитектуры?) манило и пугало. Когда я вошел, с огромных рекламных фотографий на меня воззрились красивые женщины и мужчины с шикарными прическами. «Что, мальчик, тоже хочешь быть таким, как мы?» – как будто интересовались они снисходительно. Обстановка, цвет, свет, запахи – все другое, новое и необычное. Мастера-парикмахеры, поголовно женщины – в белых халатах. Зеркала в пол. Окна во всю стену. Я присел в сторонке в ожидании очереди.

Минут через пятнадцать из зала выглянула женщина лет сорока, медленно окинула взглядом мою фигуру, потом, не говоря ни слова, чопорно и властно поманила меня пальцем. Я уселся в кресло, она накрыла меня белой простыней. Передо мной на столике стояла целая батарея флаконов, бутылочек и баночек, от которых исходили неведомые ароматы. Рядом были разложены похожие на хирургические инструменты для стрижки. Мне казалось, что – вот, примерно так должен выглядеть изнутри межпланетный корабль. Это был космос, я был отроком во Вселенной, а надо мной совершался то ли научный эксперимент, то ли священный обряд.

Не спрашивая, чего я хочу, мастер принялась сама что-то делать с моей головой. Она прекрасно понимала, чего может хотеть четырнадцатилетний подросток с проблемной кожей, одинокий и никем не понятый. Когда она закончила, я понял, что эксперимент удался, обряд сработал и случилось чудо. В зеркале я увидел другого человека – похожего на меня, но другого: интересного, привлекательного, «крутого». Даже прыщи на лбу не могли разрушить то впечатление, которое произвел я тогда сам на себя. Мне сделали модную прическу «Вихрь»: волосы взбили феном, начесали, да еще и чуть-чуть подкрасили, «перьями». Если бы моя волшебница не показала мне пальчиком – мол, освобождай место, я бы еще долго сидел перед зеркалом.

Жизнь моя изменилась мгновенно – тут же, как только я встал из парикмахерского кресла. Поменялась даже моя походка – независимо от моего желания. Пока я дошел до метро, я уже немного привык к себе самому.

В школу в понедельник я шел другим человеком. На которого – чудеса продолжались! – стали обращать внимание девочки.

– Юра, придешь ко мне на день рождения? – эта фраза, вскоре услышанная мной от одной из самых красивых девочек нашего класса, окончательно утвердила меня в убеждении: «Чародейка» – официальный филиал какой-то тайной организации волшебников, почему-то совершенно спокойно действующий в столице нашей Родины, городе-герое Москве, а его сотрудники – жрицы, владеющие древним тайным знанием.

В конце концов в один прекрасный день у меня случилось полноценное свидание, с кафе и цветами. Мы с девушкой прекрасно провели время, но, когда мы, гуляя, шли уже по направлению к метро, чтобы там распрощаться, меня настигли естественные потребности: я захотел в туалет. Произнести несколько простых слов – «Прости, я отойду на пару минут в туалет» – я тогда был просто не в состоянии, это было выше моих сил. Я решил терпеть. Когда вдали замаячила красная буква «М», я уже ни о чем другом думать не мог, кроме как: «Только бы до метро, только бы до метро... Вокруг прекрасные кусты. На автобусной остановке никого нет. Но только бы до метро...»

– Слушай, а может, проводишь меня до дома? – перебивает течение моих мыслей моя спутница. – Здесь недалеко, буквально одна остановка.

Это был первый момент, когда мои шлюзы чуть не прорвало. Я понял, что кусты достанутся не мне, а какому-то другому счастливцу. А мне предстоит еще несколько минут борьбы с собственным мочевым пузырем, который, казалось, был готов взорваться в любую секунду.

Мы спустились в метро, зашли в вагон. В вагоне было много свободных мест, и я с готовностью уселся рядом со своей дамой. С готовностью – потому что люди с опытом понимают: положение «сидя» дает некоторые бонусы находящемуся в моей непростой ситуации. Моя спутница о чем-то говорила – я не воспринимал уже ровным счетом ничего, не уверен, что смог бы назвать ее имя, если бы кто-то спросил меня в тот момент.

Мы вышли из метро.

– Вот здесь я живу, – говорит она. – Вон мои окна, на десятом этаже.

Господи, скорее бы!.. Еще пятнадцать шагов. Потом резко – за угол, а там – плевать, будут кусты или нет. Все, еще несколько шагов. Подъезд. Теплый свет от лапочки. Поцеловать? Да какая разница, лишь бы поскорее! Она открывает дверь.

– Ну, пока?

– Пока.

Моя дрожащая от напряжения нога делает шаг назад – туда, в темноту опускающейся ночи, к свободе! – и тут она робко произносит:

– Может, зайдешь?

Нет, я, конечно, не возненавидел ее в тот момент. По сути, это была настоящая победа: красивая девушка пригласила меня к ней домой. Но, боги, как же не вовремя!

Поднимаемся на лифте на десятый этаж.

– Смотри: я не знаю, дома ли родители, – говорит она. – По идее, не должно быть, они на даче. Но мало ли.

Начинаю всеми фибрами души желать срочного, аврального возвращения родителей. Пусть в квартире прорвало водопровод, канализацию и заодно произошла утечка газа – только пусть родители будут дома!!!

Моя спутница продолжает инструктировать меня:

– Зайдем, и, если ты увидишь, что на вешалке висят вещи – значит, они дома.

Вещи. Вещи родителей, будьте, пожалуйста, на вешалке... В тот момент диалог с родительской одеждой вел уже не я, а мой мочевой пузырь – лично, так сказать, без посредников.

– ...И тогда ты быстро проскакивай в дверь напротив – это моя комната.

Мать-перемать!.. План отступления рухнул. Вот там все и произойдет. Я живо представил себя в уютной обстановке девичьей комнатухи – с модной прической и в мокрых штанах. Стоп! Даже мысль об этом подтачивала мои силы, которых уже давно не осталось. Ничего

мокрого, ничего влажного, даже мысленно! Ну зачем, зачем я поперся в эту «Чародейку», блин?!.

Молитвы моего мочевого пузыря были услышаны: на вешалке действительно оказались родительские вещи. Но какое это имело значение, если моя подруга, судя по всему, была настроена в этот вечер не ограничиться обычным поцелуем в щеку у входной двери? Я обреченно перемещаюсь в комнату напротив, она шепотом произносит:

– Сиди тихо! Только никуда не высовывайся! Я сейчас, к ним схожу и вернусь.

«Не высовывайся»... Как же не высовываться, если по пути в комнату я успел заметить спасительную дверь туалета? Моя спутница, оборачиваясь, наносит новый удар под дых:

– Может, вина? У нас есть «Свадебное белое».

Еще пара миллионов моих нервных клеток в этот момент приказали долго жить. Я понял: это все. На «Свадебном белом» все и закончится.

Моя гостеприимная подруга уходит, я бросаюсь к окну, открываю его, становлюсь коленями на подоконник и – даю волю чувствам. Прямо с десятого этажа – во двор, не думая, что или кто там, внизу. Не думая вообще. Наслаждаясь моментом полной, экстатической свободы.

Постепенно ко мне возвращается способность слышать, видеть, осознавать происходящее вокруг. Я слышу пение птиц за окном, гул машин на улице, скрип открывающейся двери подъезда. Почти взошедшая луна уже принялась мягко очерчивать контуры крыш соседних домов своим серебряным карандашом. Вечерняя прохлада ласково обнимает меня, как будто успокаивая: «Ну все, все закончилось, все хорошо...» Да, все хорошо. Все даже лучше, чем хорошо. Сейчас вернется подруга, и мы будем пить вино, и целоваться, и шептаться в темноте, и...

Поток моей благодарности мирозданию прерывает какое-то движение в углу комнаты. Оборачиваясь, пытаюсь всмотреться в темноту. И секунда за секундой из тьмы дальнего угла, где, как я предполагал, должна была находиться большая кровать, начинает проступать какой-то жуткий силуэт, нечто белесое с двумя головами – светлыми пятнами. Это нечто чуть шевелится и дышит, уставив на меня свои глазищи. Момент мистического ужаса длится буквально секунду. А в следующий миг я понимаю, что двухголовое нечто – это мужчина и женщина, сидящие на кровати с бледными лицами и раскрытыми ртами. Прикрываясь одеялом, они остановившимися взглядами смотрят на освещенную тихим лунным светом фигуру, застывшую на подоконнике в странной позе, – на меня.

Я рос воспитанным и вежливым мальчиком. Поэтому в те пару секунд, что мне потребовались, чтобы выскочить из комнаты, я успел выдать из себя:

– Здрасьте...

Когда на следующий день мы с девушкой созвонились, она рассказала, что это были старшая сестра с мужем, которые неожиданно приехали откуда-то из Смоленска. Второго свидания у нас не случилось. А в «Чародейку» я потом приходил еще не раз. Чтобы вновь пережить космические ощущения.

Как я стал Че Геварой

Я всегда верил в силу искусства. Чем бы и где бы я ни занимался – почти всегда это было связано с творчеством. Даже в армии. В ряды Вооруженных сил (тогда еще Советского Союза) я попал не то чтобы против своей воли. Просто подоспел возраст, и в ситуации, когда у тебя папа – человек строгих принципов, а сам ты не слишком задумываешься о будущем, это был самый логичный вариант. Энтузиазма особого не было: армия так армия. В части я довольно неплохо устроился, став художником в клубе. Кто имел армейский опыт, тот в курсе: это должность – в топ-3 солдатской табели о рангах, наравне со штабным писарем и киномехаником. Где-то рядом еще хлеборез. Большого уважения со стороны сослуживцев к себе я не испытывал. Оно и понятно: все бегут марш-бросок или мерзнут, отбивая ноги на строевой подготовке на плацу, а ты в тишине и тепле пустого клуба рисуешь серп с молотом на очередном плакате к 23 февраля.

Но все поменяло искусство. В данном случае – искусство плаката. Это было в мае, в канун Дня победы. Я несколько дней усердно трудился, нанося на огромный, семь на три метра, металлический щит на полковом плацу изображение, увиденное в «Огоньке»: в спокойной и уверенной позе стоит советский солдат-герой в плащ-палатке и с неизменным автоматом ППШ в руке, а его с благодарностью и радостью обнимает освобожденный им узник концлагеря. Закончил я это монументальное полотно накануне поздно вечером, почти ночью. Семи-метровый солдат-освободитель с прильнувшим к нему заключенным, как мне казалось, составляли очень внушительную и вместе с тем трогательную композицию. Приказ командования был выполнен, и выполнен вполне успешно.

Утро следующего дня выдалось тихим и солнечным. Вернувшись накануне в казарму глубоко за полночь, я с чистой совестью проспал не только подъем, зарядку и прочие радости суровых армейских будней, но даже завтрак. Это меня мало беспокоило: маршрут от казармы к клубу пролегал мимо самого популярного места в любой воинской части – буфета.

Выйдя на улицу, я было направился привычным путем к «месту работы». Но тут мои сослуживцы, сидевшие в стороне в курилке, увидели меня и, вскочив, бросились навстречу. «Неужто так сильно обиделись, что я зарядку закосил?» – успело промелькнуть в голове, прежде чем ко мне подбежали первые из них. В принципе, я готов был ко всякому. Но произошедшее затем поставило меня в тупик.

Все, как один, мои соратники – от хитроватых сержантов-украинцев до буддоликих казахов – принялись наперебой жать мне руку, хлопать по плечу и всячески выражать самую искреннюю «уважуху»:

- Ну ты даешь!
- Красавец!
- Ну ты молодец, не ожидал!

Это было признание. Это была слава. «Все-таки сила искусства способна проникнуть в самые нечувствительные сердца», – что-то такое подумалось мне в тот момент. Вырвавшись из плотного круга поклонников, я неторопливо продолжил свой, теперь уже триумфальный, путь. В теле чувствовалась необыкновенная легкость.

Подскочивший запыхавшийся посыльный, сообщивший, что меня срочно вызывает начальник штаба, придал моему торжеству новый импульс: вот! Даже непробиваемые «толоконные лбы» наших штабных офицеров склонились перед Настоящим Искусством! Я буквально парил, я взлетал над землей, как ракета «Восток» с моим улыбчивым тезкой, Юрой Гагариным. В мечтах я уже собирал чемодан, чтобы ехать в отпуск – на зависть всем. Господи, май, теплынь, десять суток отпуска, не считая дороги!.. Двустворчатые двери штаба стали моей Триумфальной аркой. За которой меня ждали десять суток ареста.

Путь до гауптвахты я помню смутно. В ушах звучали эмоциональные эпитеты, которыми минут десять от всей души «поощрял» меня начальник штаба. «Че Гевара, б...!» – это было самое безобидное из того «праздничного набора». Понять, почему вдруг начштаба потянуло на революционную лексику и при чем тут товарищ Эрнесто, я не мог.

Поистине драматические обстоятельства этого дела выяснились довольно скоро. Из состояния недоуменной задумчивости меня вывели мои тюремщики-караульные, которые поведали мне историю моего падения. Плакат ко Дню победы, как я уже сказал, я подсмотрел в журнале. Помимо своего эмоционального содержания, это изображение подкупило меня еще и тем, что там было всего два лица – солдата и узника; это сильно упрощало задачу художника. Но в процессе работы я вошел во вкус и, набросав рисунок в общих чертах, всецело посвятил себя проработке деталей. Ведь в неуловимых мелочах порой кроется едва ли не главное содержание, главная ценность произведения искусства! Я с упоением выписывал складки плащ-палатки, накладывал все более реалистичные отблески на выдавший виды, поцарапанный ППШ, с нарастающей жадой художественной правды рисовал потертые и полинялые цифры на лагерном номере заключенного. Пусть на оригинальном изображении в «Огоньке» номера не было видно целиком – я восстановил недостающие подробности. Каким же настоящим получился этот номер! От него просто стыла кровь в жилах.

На гауптвахту, как известно, сажают без суда. Может, оно и к лучшему. Потому что ни на каком суде, ни тогда, ни сейчас я не смог бы ответить на вопрос: как так получилось, что на спине у заключенного фашистского концлагеря оказался номер моей части?! Это было настоящее Творчество, которое захватило меня без остатка, которому я отдался весь, до самозабвения. Это было подлинное Вдохновение, и у него оказалось очень изящное чувство юмора.

...Отсидев свой «отпуск», я вернулся в казарму настоящим «авторитетом», пострадавшим за правду художником-бунтарем. За время моего отдыха на губе кто-то аккуратно закрасил крамольные цифры на арестантской робе моего узника. Но меня это беспокоило не слишком: шедевр остался жить в сердцах.

В общем, в силу искусства я верю до сих пор. А при встрече с вдохновением внутренне собираюсь: мало ли.

Про борщ, женские прокладки и загадочную русскую душу

Занимаясь рекламой в тот период, когда ее почти не было, я еще не осознавал, какие мы счастливые люди. Снимая по наитию, радуя заказчика и зрителя и поднимая при этом продажи, мы радовались сами: мы занимались интересным делом, настоящим творчеством. Мы были близки к советскому кинематографу, питались его идеями. Слова «креатив» тогда еще просто не существовало. Вместо него было слово «сценарий». Не было «клипмейкеров», были режиссеры. До сих пор считаю, что такой профессии – клипмейкер – нет. Клипмейкеры – это те, кто работает на создании клипа. А это и режиссер, и сценарист, и костюмер, и водитель. Есть профессии режиссера, сценариста, актера, драматурга.

Выросшие на отечественном кино, мы, конечно, поглядывали на Запад. Нам тогда казалось, что совершенство – оно где-то там, далекое и труднодостижимое. Мы продолжали так думать, даже когда многие из нас завоевали признание на этом самом Западе и стали получать самые высокие награды профессиональных международных конкурсов. И вот, в России появился Procter & Gamble. Появился на фоне ощущения, что на рынок пришел мегазаказчик с гигантскими бюджетами и высочайшим уровнем качества. И, когда мне предложили поработать с этой компанией, я, конечно, согласился. Забегая вперед, скажу, что этот опыт был первым серьезным поводом задуматься над тем, чтобы из рекламы уйти.

В общем, знакомимся мы с американскими продюсерами, начинаем работать. Задача – снять ролик про стиральный порошок. Работа начинается с брифинга. Это было для меня ново – и само это слово, и такая схема, вообще. В комнате собираются человек десять-двенадцать. Сюжет – герой ролика пачкает рубашку на кухне. Предмет обсуждения – рубашка героя, которая должна быть испачкана, причем испачкана именно борщом. Borsch, Vodka, Balalayka – это было практически «за веру, царя и Отечество», в понимании наших зарубежных коллег.

Два часа (!) они рассказывали нам, что этот борщ должен быть настоящим, что он должен быть со свиной, а ни в коем случае не с говядиной или – Боже упаси! – с бараниной. Нам показали формулу – рецептуру этого идеального рекламного борща, с расписанным количеством ингредиентов. Мы кивали головами, делали вид, что что-то записываем, дружно не понимая, зачем так долго об этом говорить. Дальше нам предстояло решить, в каком месте должна была быть испачкана рубашка. Американцы попытались вовлечь в это обсуждение нас. Ну как же: обязательно нужно учитывать национальный менталитет. И тут перед всеми нами открылась бездна, которая разделяет сознание американца и русского.

– Где должна быть испачкана рубашка? Ну, на груди, естественно! Человек пробует борщ, капает себе на грудь. Если человек плотного телосложения – на живот. – Таковую коллективную версию выдвинули мы, русские.

– Нет, – ответили нам американские продюсеры. – Наши исследования на двадцати фокус-группах, которые мы провели в Америке и потом проверили во многих других странах мира, показали, что в первую очередь пачкаются манжеты.

Пока они демонстрировали нам какие-то графики и диаграммы, я честно пытался представить себе – как надо готовить или как вести себя за столом, чтобы испачкать манжету. Не смог. Следующие два часа мы знакомились с результатами исследований и слушали лекцию про манжеты, обсуждали оптимальный диаметр пятна, его цвет. В какой-то момент я решил снова привнести в обсуждение рациональное зерно.

– Ребята, если мы с вами сейчас макнем белую сорочку в настоящий борщ, на экране пятна фактически не будет видно.

К тому времени я имел достаточный опыт практической работы, чтобы говорить об этом не теоретически.

– А когда мы включим свет во время съемки, оно вообще почти исчезнет. Пятно ваше будет бледное, – заявил я, чем привел продюсерскую группу в состояние легкой оторопи. На их лицах читался ужас от встречи со знаменитой русской непредсказуемостью и революционной тягой к ниспровержению основ.

Когда шок миновал, они согласились на эксперимент. Хотя делали они это, ломая себя: зачем все это нужно, если в брифе ясно написано – борщ со свининой?! Жаль, рабочий день к этому моменту уже закончился. На следующий день наш брифинг продолжился. В офис привезли несколько кастрюль с борщами, сваренными в разных местах, – для чистоты эксперимента. Соответственно, куплены несколько белых рубашек. Начали. Макаем манжету одной рубашки в первую кастрюлю, подсушиваем, вешаем, освещаем – не видать пятна, ни на камере, ни на мониторе! Макаем следующую – то же самое, еле видно. Рубашки все грязные, а результата нет.

Через час к нам в офис начинают заглядывать соседи, сотрудники других компаний:

– Это так теперь пахнет самое крутое рекламное агентство России?

– Именно так и пахнет: борщом! Борщ плюс «Проктер энд Гэмбл» – формула успеха! – отбрыкивались мы.

– А что вы вообще тут делаете?

– Рубашки в борщ окунаем.

– Э-э-э... Что?

– Рубашки. В борщ. Позже приходите – накормим. Борщом, не рубашками.

Продолжаем изыскания. Результата ноль. Американцы начинают прятать глаза.

– Хорошо, – говорю. – Давайте так: я сейчас уйду и через десять минут принесу вам настоящее пятно. Окей?

– Окей, – устало-обреченно отвечают мне эти ребята.

Я взял единственную оставшуюся чистой рубашку, взял своего художника-бутафора, мы ушли в другую комнату и там красками нарисовали на манжете пятно – настоящее, убедительное, жирное пятно, с капельками и подтеками: художник-то был профессионал, работать умел.

Вернулся, показал. Первое, о чем меня спросили:

– Юрий, а что за борщ вы использовали? В чем секрет? Не зря вас называют лучшим в профессии: идеальное пятно!

Не удержался я, дал волю фантазии:

– Отправил человека в «Метрополь». Только там в Москве готовят настоящий русский борщ.

– О-о-о...

– Пойдет? Снимаем?

– Снимаем! Yes! Yes! Yes!.. Thank you, my friend!

В обеденный перерыв офис нашего рекламного агентства выглядел и пах как заводская столовая, с той лишь разницей, что народ был одет помоднее, да меню состояло из одного блюда – Borsch. Зато кормили бесплатно. Понятное дело, людей из соседних контор набилось прилично.

– А вы только с борщом работаете?

– Ну да. Нужно типичное русское блюдо.

– Тю! А пашлык? А оливье?! А макароны по-флотски? Это ж самое наше, родное!..

В общем, борщ был съеден весь.

С пятном кое-как разобрались – вскоре новая напасть: подбор актеров. В этот момент я узнаю, что Раиса Рязанова, замечательная советская актриса, сыгравшая Антонину в «Москва слезам не верит», сидит без работы и подрабатывает извозом. Мы не были знакомы, но эта история на меня сильно повлияла: Москва, конечно, слезам не верит, но когда лауреат Государственной премии «бомбит» на своей машине на столичных улицах – это стыд и срам.

Я позвонил ей, говорю: «Рая, есть возможность заработать двести долларов за два часа». Она с радостью согласилась, приехала на кастинг. Еще несколько дней ушло на то, чтобы фотографии отобранных актеров отправили в штаб-квартиру компании в Америку. В результате ее утвердили, и роль Эммы Петровны в рекламе стирального порошка исполнила заслуженная артистка России, лауреат Государственной премии СССР.

К этому моменту я уже настроился однозначно: чем бы дитя ни тешилось – лишь бы не плакало. Мы внимательно выслушивали очередные рекомендации американцев и делали все, чтобы только поскорее развязаться с этим цирком. Дитя было довольно. Мне, правда, было жаль огромного количества времени, потраченного на не самую сложную задачу. Но, надо признать, все эти бесконечные брифинги, совещания и эксперименты с борщом и пр. оплачивались, так что жаловаться не на что. Хотя надо понимать, что за всю эту дурь платит, в конечном счете, потребитель. И понятно, почему стиральный порошок так дорого стоит: в его цену заложена оплата «труда» немалого количества дармоедов в дорогих костюмах.

По контракту я должен был еще снять рекламу женских прокладок. По сценарию это была серия роликов, в которых на среднем плане на фоне каких-то березок сидели девушки, которые что-то говорили о своих «трудных днях». Вроде бы – тьфу, раз плюнуть: посадили девчонок, сняли, ушли. Конечно, все оказалось гораздо сложнее.

Снова на сцену вышли американские маркетологи со своими фокус-группами, тестами и соцопросами. Снова пошли многочасовые совещания-брифинги. Но у нас уже был какой-то опыт – мы сумели сократить всю эту говорильню примерно вполовину. Как бы то ни было, продюсеры решили отобрать по всей стране восемьдесят молодых женщин самых разных профессий и «социального происхождения» – учителей, бухгалтеров, швей-мотористок и т. д. Главные условия – хорошие зубы и хороший цвет лица, в общем, подходящая для съемок внешность. Нашли, утвердили. Из этих восьмидесяти надо было выбрать шестнадцать «финалисток». Этих шестнадцать женщин привозят в Москву и селят в гостиницу «Балчуг». Хорошее питание, тренажерный зал, массаж и прочие атрибуты, и на этом фоне – каждодневные беседы с психологом о «критических днях». В течение двух недель. Две недели эти простые женщины, выросшие в Советском Союзе, жили в настоящей капиталистической сказке. Как сложилась их судьба, когда они вернулись в свои Пензы и Саратовы, никто не знает. Но что-то мне подсказывает, что их жизнь разделилась на две части: до и после съемок в рекламе прокладок.

Когда эти две недели подошли к концу, мы должны были всех их привезти на «Мосфильм». Причем это надо было сделать на машинах бизнес-класса и так, чтобы сами женщины не поняли, что их привезли на киностудию. Это были настоящие шпионские игры. Мы полчаса возили их по Москве, чтобы окончательно запутать, а потом потихоньку заехали на территорию «Мосфильма» и провели в павильон. Там были сделаны декорации, которые в точности воспроизводили обстановку помещения, где предыдущие две недели проходили их собеседования с психологом. Наши подопечные ни в коем случае не должны были почувствовать себя некомфортно – не дай Бог. И здесь, в павильоне, с ними снова беседовала психолог. Только теперь, когда они привыкли к этим странным разговорам, это все снималось на скрытую камеру. И вся цель этих колоссальных усилий состояла в том, чтобы камера зафиксировала тот момент, когда кто-то из этих женщин в разговоре случайно что-то скажет про свои «трудные дни». Таким способом американские продюсеры рассчитывали получить «достоверные эмоции».

Наверное, никто не удивится, если я скажу, что это ожидание эмоций длилось несколько месяцев. Ну понятно же: ни одна советская женщина (а все это были советские женщины: прошло всего несколько лет после падения СССР) по своей воле не станет разглагольствовать на темы, касающиеся интимных вопросов. Продюсерам никак не удавалось получить нужный результат. Что идет не так, они понять не могли: загадочная русская душа снова проявляла себя во всей непонятной и пугающей красе.

Я снова попробовал положить конец этому безумию: «Ребята, – говорю, – давайте я возьму профессиональную актрису, мы напишем ей текст, от жизненности и достоверности которого все женское население страны будет рыдать у экранов, и ваши прокладки купят все, даже те, кому это не нужно».

Тут, однако, нашла коса на камень. «Нет, – сказали продюсеры, – нужны настоящие женщины. Эффективность этого метода доказана исследованиями». Я плюнул, доснял все, что требовалось по контракту, и распрощался с этими людьми.

Для меня именно появление американских продюсеров и маркетологов стало тем переломным моментом, который положил конец настоящей рекламе в России. То, что исповедовали мы до того момента, – это была идея игры с потребителем, игры, которая побуждала бы его обратить внимание на нас и на наш продукт. Простое убеждение зрителя в том, что наш товар лучший, – это казалось настолько примитивным, что даже не рассматривалось в качестве варианта сценария.

Но довольно скоро стало понятно, что ситуация начала меняться, и не в лучшую сторону. Особенно явственно я ощутил этот разворот во время предвыборной кампании Ельцина в 1996 году. Там я поработал и как режиссер, и как сценарист, был тем, кого сегодня назвали бы креативным директором. У нас уже были целые полки уставлены международными призами, но все равно все с придыханием говорили: «А вот у них...» и считали, что мы – свиное рыло, а они – калашный ряд. В общем, «Знакомство с иностранцем – повышение в чине», – как гласит народная поговорка. Наша работа становилась все более «американской»: редкий день не начинался с очередного брифинга в предвыборном штабе, а имя Огилви проскальзывало в разговорах едва ли не чаще, чем имя самого нашего заказчика – Бориса Николаевича Ельцина. И вот, на одном из совещаний кто-то из участников (хорошо, что уже не помню – кто именно) всерьез выступил с такой идеей:

– А давайте сделаем рекламные плакаты в виде автомобильных номеров, на которых вместо обычных цифр и букв будет текст «ЕБН 96» – ну, типа «Ельцин Борис Николаевич, выборы 1996 года»?

Я поперхнулся чаем. Между тем, пока я откашливался и вытирал рот, вокруг этого предложения развернулась нешуточная дискуссия. Люди с самым серьезным выражением лица принялись обсуждать перспективы этого рекламного хода.

– Ну а что? На грани, конечно, но люди поймут...

– Поймут, сто процентов. Его ж так и называют: «Ебээн».

– Ребята, вы что, совсем обалдели? – я, конечно, в тот эмоциональный момент прибег к куда более экспрессивным выражениям, которыми сегодня пользоваться в общественном пространстве запрещено, а жаль. – Ну какой, к свиньям, «Ебээн»? Вы и получите тогда на выходе «ебээн»!.. Вся страна этим «ебээном» накроется!

Тогда мне удалось переубедить этих «креативщиков». Но стало понятно, что дальше лучше не будет.

И что же в результате? Сколько прошло времени с 90-х годов? Тридцать лет? Сколько денег было угрохано на рекламу за это время? Миллиарды? Сколько книг написано, может, даже диссертаций защищено. Так вот, для меня чертой, которая подводит итог всему этому пафосному процессу, символом того, к чему мы пришли в результате тридцати лет создания «креатива», служит главная рекламная витрина современной России – Рублево-Успенское шоссе, Рублевка. Самый дорогой район Подмосковья, необыкновенные красоты вокруг, уже почти повсюду – следы больших денег, ухоженность и «особенность». Рекламные билборды: «Элитная недвижимость, дорого!», «Новая коллекция часов Patek Philippe», «Эксклюзивные модели автомобилей класса люкс», «Уникальная лакшери-вечеринка», «Дорого!», «Еще дороже!» Но вдруг – тут же, рядом, на огромном полотне, тем же самым «эксклюзивным» шрифтом: «Бетон. Дешево!»

Можно потратить годы, изучая механизмы воздействия рекламы на людей. Можно написать тома по истории и теории рекламы. Можно, как я, постичь все на практике и стать членом Российской академии рекламы. А можно зазубрить каноны американского маркетинга, удобрить их отечественной традицией освоения бюджетов и – все: победил дешевый бетон. Причем он победил не только в рекламе – в кино, на ТВ, в политике.

А борщ по рецепту американских маркетологов я потом как-то приготовил, ради интереса. Ну, что сказать – обманули их с рецептом. Видимо, за большие деньги обманули.

Помятый кубок

Долгое время я верил, что награды что-то дают, что это неотъемлемая часть успеха и, вообще, творческой деятельности. Со временем у меня сложилось уже другое понимание того, чем можно измерять успех. Сегодня у меня несколько десятков разных наград, и, скажу честно, я не помню, какая из них была первой. Но с этим – с ожиданиями наград, желанием их получить, борьбой за них – была связана масса иллюзий, впечатлений, ошибок.

Как-то на очередном международном конкурсе рекламы мой рекламный ролик занял второе место. Меня пригласили для получения награды в Англию. Я прилетел в Лондон, приехал по указанному адресу, в большой, красивый, старинный дом в пригороде. На лужайке возле дома собралась почтенная публика, играла музыка – все было очень достойно и красиво. В то время, в начале девяностых, я еще не так далеко ушел от моды и старался следить за своим внешним видом, но не был готов к тому, что мой облик произведет такое впечатление на собравшихся. Ко мне периодически подходили знакомиться англичане, американцы, голландцы, и каждый второй задавал мне один и тот же вопрос: «А вы правда русский?» Многие буквально трогали пальцем, чтобы удостовериться, что я настоящий. Они никак не могли поверить, что в природе существуют русские без шапки-ушанки, балалайки и прочих национальных атрибутов.

После коктейля началась церемония. Объявили мое имя, сказали, что меня удостоили серебряной награды конкурса. Я вышел на сцену, мне пожали руку – и все. Мне ничего не вручили. А я готовился именно к этому: получить диплом, какой-то приз – статуэтку, кубок, тарелку, что-то такое. А тут – ничего. По пути в отель я осознаю всю катастрофичность происходящего: на родине я ничем не смогу подтвердить факт награждения. «Без бумажки ты букашка». И у меня нет бумажки, нет даже самого завалящего диплома! Я не смогу ничего сказать журналистам, мне нечем порадовать коллег. Спасение оказалось близко: рядом с гостиницей, где я жил, был спортивный магазин. Недолго думая, я иду туда и покупаю себе кубок. Поискал среди наград для победителей соревнований по единоборствам – чтобы была какая-нибудь фигурка. Нашел что-то подходящее – кажется, это был кубок для чемпионов по карате, такая серебряная фигурка человека в странной позе. Никаких ненужных надписей, символов – подходит! Купил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.